

"Дирижирование - это то, что звучит"

Закончился главный фестиваль петербургского лета "Белые ночи" - месяц, в течение которого художественный руководитель и директор Мариинского театра Валерий Гергиев выходил на дирижерский подиум больше двадцати раз.

- Валерий Абиссолович, дирижирование поглощает всю вашу жизнь или в ней есть еще какие-нибудь интересы?

- Есть. Я люблю спорт. Обожаю смотреть талантливых спортсменов. Футболистов, теннисистов. Сам любил побегать по площадке. Очень люблю плавание. Сауну финскую. Русскую баню. Считаю, что общение с друзьями - одна из самых богатых возможностей в моей жизни - это возможность и раскрыться, и услышать что-то интересное, и приобрести новые знания.

- Ресурс человеческого интеллекта, с вашей точки зрения, каков? Сколько может длиться рабочий день?

- Ресурс огромный. И рабочий день может длиться долго. Если мы почитаем о Бруно Вальтере, как он работал в Риге, или о дирижерской деятельности Малера в Вене, то поймем, что я далеко не самый большой герой в этом отношении. Но стремиться специально себя убивать не надо.

- А есть у вас какой-нибудь секрет восстановления?

- Секрета нет, все происходит спонтанно. Раз в три-четыре в году я просто принимаю решение отдохнуть - организм мне подсказывает, что это необходимо. Но я не от музыки отдыхаю. Скорее отстраняюсь от ситуации, в которой могу больше навредить, чем помочь, - не только себе, но и исполнению.

- Провести вечер в партуре как зритель - это для вас отдых или тоже работа? Скажем, во время зарубежных гастролов.

- Я много смотрю спектаклей. Меня очень интересуют режиссеры и художники. Особенно художники. Я считаю профессию художника и более интересной, и более трудной. А режиссеров сейчас мало хороших - везде. Вы думаете, на Западе рай? Я боюсь режиссеров больше, чем змей или крыс. Не потому, что они плохие, просто режиссер и любовь к Моцарту или Вагнеру - не всегда одно и то же. Иногда мне кажется - поймите, я совсем не хочу выглядеть человеком, которому море по колено, - что многие спектакли я мог бы поставить не хуже, а, самое главное, намного быстрее иных режиссеров. Быстрее - значит, менее болезненно для театра. Когда коллектив девяносто шесть часов репетирует одну сцену, которую можно сделать за пятнадцать минут, мне жалко артистов. Я люблю ярких личностей. Харизма еще и в том, что человек может быстро увлечься и быстро сделать не хуже, чем если держать людей под пытками месяц.

- А себя вы считаете харизматической личностью?

- Я имел в виду не себя, а людей, которых видел. Леонард Бернстайн, например, был харизматической личностью. А я? Во мне, может быть, говорит необычное музыкальное и национальное происхождение. Я все-таки вырос на Кавказе. Родился в Москве, но вырос на Кавказе. И, видимо, энергетически очень неплохо заряжен факторами своего произрастания. Это особое место, где я жил. Часто бывал в горах. И родители мне дали хороший заряд - и моральный, и духовный. Дали мне какое-то направление, которого я придерживаюсь до сих пор. Раньше мне неловко было об этом говорить - еще несколько лет назад. Но теперь у меня сын растет, и я часто обо всем этом размышляю. Не знаю, смогу ли дать ему так же много. Но будем считать, что у нас по крайней мере есть возможность обратиться к музыке, к изящным искусствам, к литературе. А уж дальше пусть сам.

- Как бы вы определили свой тип руководства? Считаете себя диктатором или нет?

- Нет. Я просто борюсь за культ искусства в ужасающе продаваемом и коммерциализированном мире. Имеет ли право любой телевизионщик ворваться с камерой и снимать Ульяну Лопаткину, которая двадцать лет совершенствовалась, чтобы достичь изумительного качества, а теперь непонятно кто приходит ею торговаться? Могу ли я разрешать это делать? Вот когда встают такие вопросы, я становлюсь диктатором: жестким и непреклонным хозяином - хоть на какую-то секунду, чтобы сказать слово "нет". Когда кто-то из артистов не понимает, что нельзя выносить несделанную работу на суд публики, я тоже могу стать чуть жестче. Но иногда я и сам страдаю от того, что выношу недоделанную работу. Хотя в этом случае я всегда повторяю исполнение еще раз три - до тех пор, пока не станет хорошо. "Царя Эдипа" Стравинского - мы сыграли его на только что прошедшем фестивале - будем повторять до тех пор, пока я не буду уверен, что у нас он звучит, как ни у кого в мире.

- Тайные стороны дирижирования - как вы их для себя определяете? И есть ли она, эта тайна? А если есть, то в чем: в силе личности?

- Дирижер извлекает определенные звуки из оркестра. И дирижер также работает с людьми. Это область психофизического, причем начиная с психо, а потом уже физического, ты можешь двигать руками сколько угодно, это еще ничего не значит. Главное: люди должны мобилизовать лучшие из своих возможностей в интересах публики. А будет это игра на скрипке, тромбоне, ударных или пение в хоре - не имеет значения.

- Заставить мобилизовать - жестом?

- Жест малозначим. Он только следствие - важна идея, важен дух. Поэтому жестиковать дирижеры могут похожим образом, а все остальное будет отличаться. И наоборот. Люди могут добиться сходных результатов совершенно разным жестом. Глаза, даже полужакрытые, выражение лица гораздо важнее, чем жест. Я вообще не люблю культ жеста как такового, мне не важно, как дирижирование "выглядит". Первые пять секунд еще испытываю какой-то интерес к видимой стороне дела, но не больше пяти секунд. А когда мне говорят, как это звучит, могу обсуждать часами. Дирижирование - это то, что звучит.

- Выходя к оркестру, вы можете сформулировать свою исполнительскую концепцию?

- Нет, я предпочитаю держать это в себе. И, кстати, не всегда имею концепцию. К сожалению, я тот дирижер, который дирижирует чаще, чем нужно. Мне, руководителю театра, который рисковал оказаться в беспросветной бедности, просто ничего другого не оставалось, как увеличить количество оборотов. Я совсем не

люблю дирижировать каждый день. Того же "Царя Эдипа" я хотел бы репетировать неделю, спокойно объяснить третьему трубачу, почему у него эта нота, а у первого трубача другая. Я люблю долго рассматривать партитуру, так, будто я - Стравинский. Зачем я написал этот си-бемоль? Зачем у меня здесь тридцать вторые длительности, быстрая фигура? А у другого инструмента в это время торжественный фанфарный сигнал? Об этом интересно думать, но времени на это часто не хватает.

- Вы много останавливаете оркестр на репетициях?

- Иногда, может быть, даже чрезмерно энергично вмешиваюсь. А иногда люблю за десять минут добиться коренного перелома и потом не останавливать. Чтобы люди сразу все поняли: каким звуком играть и какими руками. Есть такое понятие - какими руками. Руки могут быть жесткими, пластичными, острыми, концентрированными.

- Опера, балет, симфония - можете ли вы сказать, что предпочитаете одно другому?

- Нет, с одинаковым удовольствием дирижирую и оперой, и балетом - если это, например, "Ромео и Джульетта" Прокофьева, и симфонией. Различаю только музыку - хорошую или плохую. Ну, может быть, стоит выделить концерт как самую аристократическую форму поведения дирижера. В том плане, что ты только с оркестром. Какой-нибудь замечательный зал - Концертгебау в Амстердаме, Золотой зал в Вене или Большой зал Петербургской филармонии, оркестр здорово готов, у всех все берется - пожалуй, с этим ничто сравниться не может.

Беседовала
Надежда МАРКАРЯН
Фото В. ВАСИЛЬЕВА